

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Пётр Кропоткин
Кропоткин о Бакунине
Июнь 1905-го года.

газета "Хлеб и Воля", "Дело Труда"

Эта статья П. А. Кропоткина была напечатана в первый раз в нашем женевском «Хлеб и Воля», в июльском номере 1905 года, посвященном почти целиком памяти Бакунина. - Редакция "Дело Труда"

ru.anarchistlibraries.net

Кропоткин о Бакунине

Пётр Кропоткин

Июнь 1905-го года.

Старик Бакунин нередко говорил, что значение событий изменяется не столько их непосредственными результатами, сколько их косвенными последствиями, которые всегда бывают гораздо важнее первых.

Точно также, говоря о Бакунине, следует оценивать его значение не столько по тому, что он сделал лично, сколько по влиянию, которое он оказывал на окружающих его людей – на их мысли и на их деятельность.

Его литературное наследие не велико. «Государственность и анархия», «Историческое развитие Интернационала», «Бог и Государство»¹ – вот три написанные им небольшие книги. Остальное – «Кното-Германская Империя», «Письма к Французу о текущем кризисе», «Политическая теология Мадзини и Интернационал», «Бернские медве-

¹ Произведение Бакунина, которое является лишь частью второго выпуска «Кното-Германской Империи и Социальной Революции», то есть продолжение «исторических софизмов доктринерской школы немецких коммунистов». Неточности названий, которые возникли из-за того, что труды Бакунины не были переведены на русский, были исправлены.

ди...» и др., – все это брошюры, написанные по данному вопросу минуты. Даже вышеназванные три книги имеют такое же происхождение. Бакунин садился с целью написать брошюру в ответ на вопрос дня. Но его брошюра разрасталась в книгу, потому что при его глубоком понимании истории, и с его громадным запасом знания современных событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другую.

Если вспомнить все то, что он и его друзья – а его друзья были Герцен, Огарев, Мадзини, Ледрю-Роллен и все лучшие люди и деятели революционного периода сороковых годов в Европе – передумали об этих, пережитых ими, драмах, надеждах, разочарованиях; если вспомнить все, что они пережили во время полного надежд 1848-го года и последовавшей затем реакции, – легко понять, как мысли, образы, доводы, подчерпнутые из знания жизни, должны были рыться в голове Бакунина, и почему его философско-исторические воззрения так щедро пересыпаны фактами и суждениями из современной действительности.

Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмечала поворотную точку в истории революционной мысли в Европе. Его речь на конгрессе «Мира и Свободы»² была вызовом, брошенным всем радикалам Европы. Бакунин объявлял в ней, что эпоха радикализма сороковых годов закончена и наступает новая фаза революционной жизни – эра рабочего социализма; что рядом с вопросом о политической свободе встает вопрос об экономической независимости, и этот вопрос будет впредь преобладать в истории.

---

² Эти речи можно прочитать в полном объеме в «Историческом развитии Интернационала», а также в «Федерализм, Социализм и Антиеология».

тогда федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным в то время оплотом против обще-европейской реакции.

Ему мы обязаны в значительной мере тем, что в латинских странах остался живым революционный дух, который нашел в рабочих латинских массах новую живую силу, чтобы бороться с резким поворотом налево кругом среди некогда радикальной буржуазии.

И среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страх, без всякой поддержки со стороны буржуев, войну всему старому миру, – в этой среде развелся, наконец, современный анархический коммунизм, с его идеалом равенства экономического и политического, и его смелым отрицанием всякой эксплуатации человека человеком.

Таковы заслуги Бакунина в истории.

зительно верна. Прочтите, например, то, что он писал о Нечаеве, которого и сильные и слабые стороны он определил так поразительно верно, что мы теперь ничего не можем прибавить к его оценке. Кто же лучше его понял Николая Утина⁴ этого женевского божка марксистов?

– Еще одно. Всего поразительнее, и всего поучительнее для нас – *высокий нравственный уровень* людей, сгруппировавшихся вокруг Бакунина в Западной Европе. Я не знал Бакунина, но я знал близко большую часть людей, сгруппировавшихся в интернационале вокруг него, и поэтому так неумолимо преследовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнхета. И я смело утверждаю, в лицо их ненавистникам, что каждый из вышеназванных мной деятелей федеративного Интернационала представлял собой *крупную нравственную личность*. История, я знаю, подтвердит эту характеристику, и, конечно, выскажет при этом сожаление, что в среде их противников по крайней мере в лице их главных руководителей – был, может быть, ум, но нравственные качества не достигали такой же высоты и твердости, как среди названных мной друзей Бакунина.

Что касается, наконец, значения деятельности Бакунина в Интернационале, то я охарактеризовал роль «бакунистов», говоря в моих записках о Юрской Федерации.

И эпоху, когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военное торжество Немецкой Империи открыли период реакции, продолжающейся поныне, и когда Маркс, со своими друзьями с помощью подпольных интриг, захотел обратить всю деятельность *рабочего Интернационала*, созданного для *прямой борьбы* с капитализмом, в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов – «*бывших людей*»,

⁴ Смотреть сочинение Бакунина «Интриги господина Утина» 1871 г.

Его брошюра, обращенная к мадзинистам³, возвещает конец чисто политической революционной конспирации ради национального освобождения и начало социалистической революции, а также конец сантиментального социалистического христианства, и начало атеистического коммунистического реализма в истории. Письмо Герцену об Интернационале и базаровском реализме имеет тот же смысл для России.

«Бернские Медведи и Петербургский Медведь» – прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма к Французу», написанные во время войны 1870-71 года, составляют отходную гамбеттовскому радикализму и возвещение той новой эры, которую вскоре открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею луи-блановского государственного социализма и возвестившая новую идею городского, коммунального коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территории и начинаяющая у себя социальную революцию – вот что рекомендовал он в этих «Письмах» против немецкого вторжения.

«Кното-Германская Империя и Социальная Революция» – брошюра, которую так ненавидят немецкие социал-демократы – пророческий крик старого революционера, понявшего уже тогда (1871) весь ужас реакции, которая охватит Европу, на целые 30-40 лет вследствие торжества Бисмарковского военного государства, а с ним вместе – и государственного социализма, которого крестным отцом, в Германии был тот же Бисмарк. Она вместе с тем означала крутой поворот в сторону безгосударственного коммунизма – анархии – в латинских странах.

³ Про это также можно узнать в «Ответ одного интернационалиста Мадзини» – статье, которая начинает основной текст «Политической теологии...». «Политическая теология...» еще не переведена на русский язык.

Наконец, «Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала» и «Бог и Государство» – несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, так как писались ради злобы дня – содержат для вдумчивого читателя больше политической мысли и больше философского понимания истории, чем масса трактов, университетских и социал-государственных, в которых отсутствие мысли прикрывается туманной, неясной, а, следовательно, непродуманной диалектикой. В них нет готовых рецептов. Люди, ждущие от книги разрешения всех своих сомнений, без собственной работы мысли не найдут этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слепо за автором, а смотреть на книгу как на *материал для размышления* – как на умную беседу, вызывающую в вас умственную работу, – тогда горячие, местами беспорядочные, а местами блестящие обобщения Бакунина помогут вашему революционному развитию несравненно больше, чем все вышеупомянутые трактаты, написанные с целью уверить вас, что вы годны только для повиновения и должны слепо идти за автором – в вашей мысли, и за главарем – в вашей деятельности.

Впрочем, главная сила Бакунина была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Он сделал Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодежи 1870-х годов. Он возродил его. «Ты мой духовный отец», писал ему сам Белинский. А какой громадной силой был Белинский для русского развития – мы знаем.

В Париже, в 1847 году (в этом году его изгнали) и в Германии в 1848 году, но влияние на лучших людей своего времени было громадно. Бернард Шоу рассказывает в полушутивой форме (The perfect Wagnerite), что в своем

Зигфриде, не знающем страха и увлекающем своей любовью Брунгильду, Вагнер воплотил Бакунина. Он воплотил, конечно, не Бакунина в частности, а смелого, дерзкого революционера вообще. Но нет сомнений, что и на Вагнера, как и на Жорж Занд, и на Герценя с Огаревым, и на весь кружок социалистической Франции, живший тогда в Париже, и на молодую Германию, и на Молодую Италию, и на Молодую Швецию, Бакунин оказал в свое время громадное влияние. – «К нему нельзя было подойти, не заразившись его революционною горячкой», говорили о нем его современники.

Таким же оказался он когда, бежавши в 1862 году из Сибири, он появился снова среди своих друзей в Лондоне. Герцен, как известно, описал его появление в Лондоне и слегка подсмеивался над тем, как Бакунин пропагандировал всяких славян. Весьма возможно, и, наверное, так и было, что Бакунин часто возлагал больше надежд на подходивших к нему людей, чем они того заслуживали. – Но разве того же нельзя сказать о Мадзини, о всяком искреннем революционере? Оттого, может быть, он и обладал такой магической силой, что *верил в человека, верил и то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего*. И оно, действительно, пробуждало, и под влиянием Бакунина человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен.

Герцен рассказывает в шутливом тоне, как Бакунин пропагандировал и посыпал людей на дело. Но правда ли, что он, действительно, так ошибался в людях? Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлеи, Элизе Реклю, Кафиеро, Малатеста, Фанелли (его Эмиссар в Испании), Гильом, Швицгебель и т. д., сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитой Alliance, не были лучшие люди латинских рас в эту великую эпоху? Мне кажется, что его оценка людей была, наоборот, пора-